

МАРИ ВАРЕЙ

**ПОСЛЕДНЯЯ
СПИЧКА**

Москва
2026

*Посвящается маленькому мальчику из Сарселя,
ставшему производителем крыльев, высококвалифициро-
ванному инженеру, который тридцать девять лет назад
прикрепил к моим детским плечам наикрасивейшие
крылья из перьев, винтов и болтов, потому что воск,
если приблизиться к солнцу, тает...*

Словом, моему папе.

Абигаэль

Сейчас

Габриэль не такой, каким вам кажется. Я прекрасно это знаю, ведь я его младшая сестра, и связавшие нас в детстве кровные узы, к сожалению, так и не ослабели. Я, действительно, сделала все, чтобы отдалить его от себя. Но даже сегодня, хотя ему уже за сорок, он по-прежнему навещает меня в монастыре дважды в месяц по субботам. Он рассказывает мне мельчайшие подробности своей жизни, никогда не интересуясь моей. Я единственная, кому он показывает свое истинное лицо. Габриэль прекрасно знает, что если мне в голову взбредет выдать его тайны, то мое слово, слово сумасшедшей, будет значить не больше, чем ветер, гуляющий по замусоренному пустырю, где некогда стоял дом нашей семьи. Я слышала, как сестра Мари-Клотильда сказала, что на этом месте вот-вот сделают парковку. Скорей бы. Перспектива того, что волны

горячего асфальта поглотят остатки моего детства, наполняет меня радостью.

Вот уже двадцать семь лет я живу в аббатстве Святой Марии Сонской в Женевины. Мне очень тоскливо. Впрочем, могло быть и хуже. Я могла сейчас находиться за пределами монастыря, в реальном мире, среди реальных людей. Со своей кровати я вижу небо и ветви величественного многовекового дуба. Монахини уверяют посетителей, что здесь останавливалась на отдых Жанна д'Арк, когда шла освобождать Орлеан от англичан. Приманка для туристов или исторический факт? Выяснить мне так и не удалось. Но к делу это не относится. Не станем отвлекаться. К делу относится мой брат. Габриэль. Во всяком случае, я так думаю. Учитывая мое состояние, распутать все ниточки произошедшего будет не так-то просто.

Несомненно одно: моя история начинается и заканчивается похоронами. Лучше уж сразу вам об этом сказать, избавив от неприятных сюрпризов, и, поскольку надо с чего-то начать, с похорон и начнем. В то утро никто не говорил с Габриэлем. Никто не обнял его. Никто не утешил. И даже я, судя по всему. Воспоминания мои смутны, некоторые подробности вообще стерлись. Кто же умер тогда? Мне никак не удастся ответить себе на этот вопрос. Посттравматическая амнезия, как сказала бы доктор Ассан. Отправляясь на похороны, безусловно, важно знать имя усопшего, но пусть первым бросит в меня камень тот, у кого никогда не бывало провалов в памяти.

В день похорон Габриэль выглядел каким-то безвозрастным. Его взгляд был застывшим, тяжелым. Мне не удалось прочесть в нем никаких эмоций. Он разве что слегка вздрогнул при первом глухом ударе комков земли о сосновый гроб. Его знобило, несмотря на августовское солнце, припекавшее блестящую лысину нашего отца. Кстати, отец проплакал три дня почти без остановки. Я молча смотрела на него. Широкие, поникшие от горя плечи сотрясались от плохо скрываемых всхлипов, его огромная фигура походила на тряпичную куклу. А что же моя мать? Странно, но я ее совсем не помню в тот день. Мне было двенадцать с половиной лет. Вероятно, я потеряла очень дорогого мне человека, потому что после похорон я больше никогда не была прежней. Нет лучше средства, чем трагедия, чтобы погрузить вас без предупреждения в состояние тяжелого невротического расстройства на долгие годы.

На похороны пришли многие жители нашего бургундского городка. Печально склонив головы, они шептали «*Трагедия, горе, беда*». Как будто эти слова, сказанные тихо, со скорбью в голосе, придавали им добропорядочности. Как будто сами эти люди не несли никакой ответственности за трагедию-горе-беду. Если бы тогда поинтересовались моим мнением, я бы отказалась их приглашать. Но моим мнением, разумеется, никто не поинтересовался.

Мы с Габриэлем и папой держали по красной розе, с которых продавец цветочной лавки удалил шипы. Всю церковную службу я смотрела на голый безобидный стебель и думала, что надо бы и людей лишать шипов

так же, как это делают с цветами. Когда теплая рука Габриэля скользнула в мою, вложив в нее коробок спичек, я никак не отреагировала. Долгие годы я храню этот коробок. Нарисованное на нем красное солнце выцвело, и теперь его почти не разглядеть, внутри осталась лишь одна спичка. Толком не знаю почему, но я так и не решилась его выбросить.

Заглядывать в гроб мне не хотелось. Мне решительно не хотелось видеть, кто там лежит. Узнать это было бы неимоверно тяжело. Потому, возможно, мне и не удастся сейчас вспомнить, кого тогда хоронили. В церкви я осмелилась поднять голову, только услышав, как закрывают деревянную крышку. Слишком рано подняла взгляд. Успела кое-что заметить. Краешек до боли знакомой ткани, лазурно-голубой с принтом в виде маргариток. Мамин шарфик? Что он делал в гробу? Нет. Надо подумать о чем-нибудь другом. Поскорее выбросить эту картинку из головы, пока она не впечаталась в память.

Доктор Ассан, психиатр, которую я когда-то посещала по настоянию школьной администрации, не уставала повторять, что «искажать неудобную нам правду не выход из ситуации». Оглядываясь назад, надо, наверное, признать, что она была права. Ложь всегда влечет за собой определенные последствия, в том-то и проблема. Как в случае этих похорон, например. Бедная доктор Ассан. Она так корила себя, что не сумела отделить правду от лжи в моих рассказах. Но упрекать ее в этом нельзя. Мне и самой всегда было невероятно сложно понять, что происходит в реальности, а что —

только в моей голове. Заметьте, я признаю за собой определенную склонность заполнять пробелы или подменять неприятные моменты жизни вымышленными историями. Я знаю о фактах, каких знать вроде бы не должна, иногда вспоминаю события, свидетелем которых не была, а значит, я их, вполне вероятно, придумала. Вопреки всеобщему мнению, сумасшедшей в прямом смысле слова я себя не считаю. Даже наоборот, я нахожу себя абсолютно нормальной, во всяком случае, основную часть времени.

Никогда наша семья не выглядела такой сплоченной, как в тот день перед гробом. Нас притягивало друг к другу нашими лицемерием и скорбью, словно идущим от камина теплом. Помню, я задавалась вопросом, не сделает ли нам кто-нибудь замечание, что горестный вид и кроваво-красные розы в этом случае неуместны. Но никто замечания не сделал. *Трагедия. Горе. Беда.* Вот и все. Я и сейчас, по прошествии времени, поражаюсь: никто не был шокирован, глядя на то, как мы нарушили элементарнейшие правила приличия: на похороны к убитому тобой человеку не приходят.

Это как-никак основа основ.

После похорон Габриэль сунул в рюкзак кое-какую одежду, полную коллекцию дисков группы «Пинк Флойд», все сбережения нашей соседки мадам Мишле и папино полуавтоматическое охотничье ружье. С присущей ему удивительной тщательностью мой брат завернул оружие в пузырчатую пленку и закрепил моими детскими резинками для волос — желтыми с подвесками в виде маленьких радуг. А еще прихватил мои личные

Последняя спичка

дневники — тетрадки, спрятанные в бойлерной, где пахло чем-то затхлым и где он обычно меня запирает. Уходя, он крикнул, что отправляется к приятелю и к ужину будет. Домой он так и не вернулся.

Сжимая коробок спичек в руке, я смотрела, как уходил брат. Из его приоткрытого рюкзака торчал ствол ружья, упакованного в пузырчатую пленку. Габриэль обернулся один-единственный раз, когда дошел до конца улицы, упиравшейся в сквер, куда он изредка брал меня с собой и мы курили там сигареты, украденные им у мадам Мишле или в местной лавке, где торговали прессой, табаком и лотерейными билетами. На несколько секунд Габриэль задержал взгляд на окне моей комнаты. Я понимала, что в этот момент он думал именно обо мне, но не сомневалась: ноги его здесь больше не будет. По мере того как удалялся его силуэт, мне дышалось все свободнее, я испытывала небывалое облегчение, понимая, что мой брат и папино ружье окажутся так далеко от дома нашего детства, как только это возможно. Я закрыла глаза и принялась изо всех сил молиться, чтобы он забыл меня.

Разумеется, Бог моих молитв не услышал.